и, если бы оказались нарушенными ихъ права, они вмѣшались бы, насколько сочли бы то нужнымъ. Но они не требовательны въ отношеніи своихъ правъ и ничего не имѣютъ противъ того, чтобы ихъ барабанныя перепонки подвергались жестокимъ испытаніямъ среди ихъ шумнаго общества. Но все-таки они часто напоминаютъ дѣтямъ, что музыкальные звуки гораздо пріятнѣе рѣзкихъ, что сапоги слѣдуетъ обтирать о половикъ и что лучше класть вещи на принадлежащія имъ мѣста.

Въ обращеніи съ дѣтьми они всегда стараются помнить, что имѣютъ дѣло съ неопытными существами; они очень терпѣливы съ ними и, по возможности, стараются учить ихъ всему изъ ихъ собственнаго опыта. Они рѣшительно объявляютъ, что, по ихъ мнѣнію, самый худшій способъ влiять на дѣтей—это влiять силой, при употребленіи которой ребенокъ всегда пріобрѣтаетъ именно неправильный опытъ. Онъ приходитъ тогда къ заключенію, что справедливость есть нѣчто произвольное, вытекающее изъ деспотизма, и что въ жизни слѣдуетъ господствовать и повелѣвать, къ чему онъ и стремится по мѣрѣ силъ. Воспитаніе такого рода создаетъ лишь господъ и рабовъ, но не можетъ создать свободныхъ людей. «Тюрьмы не измѣняютъ человѣческаго характера и наклонностей,—говоритъ г-жа Ф.—Если онѣ и уменьшаютъ количество преступленій, то только лишь изнуряя заключенныхъ и дѣлая изъ нихъ жалкихъ трусовъ со сломленной волей».

Въ «Домѣ игры» тоже бывали маленькіе воры, но ихъ исправляли, развивая въ нихъ уваженіе къ самимъ себѣ. Такимъ же образомъ, съ временными неудачами и затрудненіями, но съ полнымъ успѣхомъ, убѣждали тамъ лжецовъ, что лучше говорить правду.

Достигнутые результаты заставили учителей потерять вѣру въ теорію наслѣдственности; они поняли, что соотвѣтственная обстановка можетъ изъ любого ребенка сдѣлать хорошаго члена общества.

Я спросилъ ихъ, не думаютъ ли они такъ, что всѣ маль-